

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Д.М. РОГОЗИН

КНИГА О МОНАШЕСТВЕ КАК СВЕТСКИЙ ФЕНОМЕН

АРХИМАНДРИТ ТИХОН (ШЕВКУНОВ). «НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ» И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ. М.: ИЗД-ВО СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ; ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2011. — 640 с.

Год назад вышла в свет книга настоятеля Сретенского монастыря Архимандрита Тихона. В ней описывается повседневная жизнь православных монахов, как правило, закрытая для людей светских. Всего за год книга не раз переиздавалась крупными тиражами в десятки тысяч экземпляров. Общероссийские газеты — «Известия», «Российская газета», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» — опубликовали отзывы и рецензии на полосах, посвященных культуре или обществу. Блогосфера пестрит обсуждениями книги. Сейчас в московском метро то и дело можно встретить читающих ее пассажиров. В то же время, на вопрос Левада-Центра «какую роль религия играет в вашей жизни?» в январе 2012 года 63% опрошенных ответило, что важной роли не играет и лишь 6% указали на важную роль религии в своей жизни¹. Несмотря на рост посещаемости православных храмов, воцерковленных людей в России не так много. Нелегко найти объяснения популярности книги исходя из статистических данных, между тем нельзя отрицать наличие массового, далеко не только религиозного интереса к изданию. Чем оно могло привлечь обычных людей? Почему круг читателей оказался необычайно широк? Какие места,

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. **Адрес:** 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, корп. 2. **Телефон:** 8 (926) 847-60-81.

Электронная почта: d.rogozin@list.ru

¹ Пресс-выпуск Левада Центра: Россияне об РПЦ и группе «Pussy Riot» [электронный ресурс]. Дата обращения: 7.06.2012. URL: <<http://www.levada.ru/02-05-2012/rossiyane-ob-rpts-i-gruppe-pussy-riot>>

сюжеты, представленные Архимандритом Тихоном, привлекают светское сознание?

Перед нами, прежде всего, бытописание православного монастыря и жизнеописание российского священства, представленное в биографическом повествовании. Жанр — весьма редкий для современной православной литературы, но распространенный в светских изданиях. Жизнь церковных людей необычна и непонятна для внешнего человека. Его представления о ней заполнены скорее мифами и анекдотами, нежели описаниями реальных событий. Вместе с тем, монастырь — это сообщество обычных людей, выбравших для себя иной путь, иную судьбу. Аллюзии на знакомое — в незнакомом, рациональное — в иррациональном, светское — в священном, вызываемые в читателе, — возможно, этим и обязана книга своим успехом.

Биография человека принадлежит ему самому лишь отчасти. Окружающие люди, встречи, события формируют ее основу, наполняют жизнь смыслом. От человека требуется лишь воспринять происходящее, не замкнуться в собственном мире. Архимандрит Тихон описывает неизвестное многим сообщество людей, посвятивших себя монашескому служению. По его свидетельству, монастырь не гарантирует святости, не снимает личную ответственность, не придает человеку статус избранного. Он лишь позволяет познать себя, отделить ненужное, незначимое от личной судьбы, пережить встречу с иным, не ангажированным материальными заботами миром:

Ведь с принятием монашества и священного сана в нашей жизни изменяется многое, но не все. Гнездящееся внутри древнее зло всегда будет преследовать нас и никогда не оставит попыток снова вкратиться и овладеть своей главной целью — нашей душой (с. 252).

Автор показывает, что оставаясь пространством сакрального, монастырь лишь дает шанс человеку справиться со своей греховной природой, которую нельзя оставить за оградой, от которой нельзя отказаться единожды, волевым решением. Монах — это тот же человек, со страстями, эмоциями, слабостями, страхами. Его сила — в способности овладеть своей судьбой с точки зрения светского мира и отказать от нее, подчинить высшей воле — с точки зрения религиозного.

Неспешный, практически разговорный язык книги ставит читателя в позицию собеседника. Без наставлений, упреков, порицаний, повествуется о, казалось бы, типичных ситуациях, в которые хоть раз в жизни попадает каждый человек. Отец Тихон удивительным образом стирает грань между церковным и светским, воочию демонстрируя близость людских судеб, зачастую разделенных лишь взаимным непониманием и враждой. Рассказ «Августин» повествует о драматической

судьбе человека, на протяжении короткой жизни испытывавшего ряд колоссальных падений и взлетов. Мальцом, оказавшись в воровской среде, он укрывается в армии от тюрьмы, но и там продолжает воровать. Бежит от неминуемой расплаты, попадает в храм. Через какое-то время бежит и оттуда, прихватывая церковные реликвии. Выдает себя за монаха, служит в другом храме, ищет помощи от преданной им же братии и находит ее. Отец Тихон с друзьями укрывает его и готовит план по размещению в Грузии. И тогда все открывается. Решением людей, которые были обмануты, ценности и убеждения которых были попорчены, стала не месть и законное возмездие, а разговор с преступником о его преступлении. Последнее не есть его сущность, это лишь брэнность мира, в который он попал, отсутствие внимания к нему со стороны окружающих, отсутствие разговора. Человек кается, сам сдается властям. Тюрьма, время в молитвах. Потом, через восемь лет, возвращение, принятие монашеского пострига, служба в одном из провинциальных городов. И вновь искушение, очередное падение и смерть от рук преступников, с которыми оказался в тесной связи. И в ответ — не осуждение и проклятие, а любовь и прощение, мольба о спасении души: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, убиенного иеромонаха Владимира!» Любовь к другому строится на общении, умении выслушать и понять, принять его точку зрения, не потеряв свою. Это относится не только к близким и родным по крови и духу. Это имеет отношение к каждому человеческому существу. Казалось бы, простые и очевидные истины, но так трудно они приложимы к собственной жизни, насыщенной раздражением и нетерпимостью. В книге показано, что преодолеть последнее и есть путь монаха, путь послушания и смирения.

В рассказе «Отец Иоанн» речь идет о духовном наставнике Архимандрита Тихона отце Иоанне Крестьянкине. История любви и служения, страданий внешних, никак не влияющих на внутреннее спокойное состояние души, преклонение перед главным, позволяющим простить злодеяния и предательства. Вот лишь один эпизод:

Как-то раз батюшка рассказал нам о своем следователе. Они были ровесниками. В 1950 году обоим исполнилось по сорок лет. И звали следователя так же, как батюшку, — Иваном. Даже отчество у них было одинаковое — Михайловичи. Отец Иоанн говорил, что каждый день поминает его в своих молитвах. Да и забыть не может.

— Он все пальцы мне переломал! — с каким-то даже удивлением говорил батюшка, поднося к подслеповатым глазам свои искаленные руки.

«Да, — подумали мы тогда, — молитва отца Иоанна, да еще всежизненная, — это не шутка! Было бы интересно узнать судьбу следователя Ивана Михайловича, за которого так молится его бывший подследственный Иван Михайлович Крестьянкин». С целью окончательного изобличения преступника следователь назначил ему очную ставку с тем самым настоятелем храма. Отец Иоанн уже знал, что этот человек является причиной его ареста и страданий. Но когда настоятель вошел в кабинет, отец Иоанн так обрадовался, увидев собрата-священника, с которым они множество раз вместе совершали Божественную литургию, что бросился ему на шею!

Настоятель рухнул в объятия отца Иоанна — с ним случился обморок. Очная ставка не состоялась. Но отца Иоанна и без нее осудили на восемь лет лагерей (с. 60-61).

Непривычное для «воинствующей интеллигенции» качество — смирение — требует непоказного мужества, твердой и непреклонной воли. Как отец Нафанаил «всегда пресекал в монастыре гласные проявления оппозиционности по отношению к государству и тем более — попытки диссидентства» (с. 92), так путь добропорядочного христианина лежит вне демонстрации несогласия и противления увиденному или навязанному извне злу, это путь самосовершенствования и опоры на этический идеал милосердия. Пожалуй, во всей книге нет более точного описания этой истины, чем простые и безыскусные слова матушки Фроси — послушницы Дивеевского монастыря, принявшей постриг еще до революции, а после закрытия монастыря ставшей тайной монахиней:

Вот заповедь какая: видишь грех какой за каким там монахом или иеромонахом или начальник неправильно что делает, твое дело — внимания не обращай! Отвернись и не гляди ни на кого! Пусть они себе грешат. <...> Дело не наше — Господь Сам их исправит (с. 308).

К диалогу, осмысленному публичному разговору, а не обмену взаимными претензиями, призывает как церковь, так и некоторые представители современного неомарксизма. Например, Майкл Буравой основной прерогативой интеллектуала видит посредническую деятельность между разными сообществами, в том числе и занимающими правящие позиции. Не изобличать и наказывать, а находить общий язык, согласовывать представления, оставаясь в рамках принятых убеждений и норм — базовая идея публичной социологии.

Политические, экономические или социальные иерархии, статусные неравенства порой извращают идеалы человеческой жизни и социальных отношений. От рассказа к рассказу отец Тихон показывает,

как церковные люди находят внутренние ресурсы, чтобы преодолеть трудности, иногда наиболее счастливым считая время, проведенное в изгнании и осуждении. Очевидно, это вызывает у читателя не только удивление, но и притяжение необычностью их жизненных принципов. Например, три года епископ Гавриил был отлучен от служения в церкви, терпел лишения, но именно эти годы он назвал самыми счастливыми:

Самыми счастливыми были годы, которые я жил в запрещении. Никогда в моей жизни Господь не был так близко! Вы, может быть, удивитесь, но поверьте, что это именно так. Конечно, когда меня вернули к священнослужению и направили в Благовещенск, мне было очень радостно и приятно. Но та молитва, а главное, та близость Христа, которые я пережил на моих огородах [владыка полел и охранял огороды прихожан, чтобы выжить в годы отлучения. — Д.Р.], несравнимы ни с чем. Это и было лучшее время моей жизни (с. 185).

«Несвятые святые» демонстрируют нам правила жизни, своего рода неканонический канон, представленный в традиции рассказа от первого лица, отрицающего назидательность, свойственную просветителю или «борцу за свободу». Так книга о монашестве становится светским феноменом, предлагающим иной взгляд на принципы социального поведения — не призывать к порядку, а воспроизводить его, не разрушать, а созидать.